Глеб Карпинский

Искушение

Сборник рассказов о Любви

Глеб Карпинский

Искушение. Сборник рассказов о Любви

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Искушение. Сборник рассказов о Любви / Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900949-4

Дорогие читатели, рад предложить вашему вниманию мою книгу «Искушение». Это сборник коротких историй из жизни разных людей, которые верили в любовь. Все эти рассказы выдержаны временем, как хорошее французское вино. Их лучше читать дозированно, с осмыслением, с интересом улавливая легкий аромат эротики, вкушая тоскливые нотки мистики, ощущая насыщенный привкус философии и юмора. «Искушение» — сборник рассказов для Вас. Надеюсь, Вы оцените и полюбите мое творчество.

ISBN 978-5-44-900949-4

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Интрижка 6
Искушение 10
Сигарета на двоих 15
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Искушение
Сборник рассказов о Любви

Глеб Карпинский

«Красивых женщин
без присмотра нельзя оставлять,
даже когда они спят.
Бог знает, что им снится»
Глеб Карпинский
из романа «Флирт с Одиночеством»

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-4490-0949-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интрижка

После того, как жена оставила его и стала открыто жить с любовником, Адам стал разбавлять тоску с другими женщинами. В основном это были уставшие от брака дамочки. Таких он легко цеплял в социальных сетях и чатах. Ему достаточно было взглянуть на фотографии, на статусы, перебросится парой фраз, чтобы понять, какая женщина перед ним. И как часто за надменными масками порядочных матерей и верных жен, за лживыми усмешками благодетельниц и пуританок, за кричащими личинами мегер и истеричек он видел истинное лицо! И стоило ему только затронуть те или иные струны утонченной женской души, как маска спадала сама собой.

Адам быстро избаловался легкими победами, но утоляя свое поверженное самолюбие, он уже скоро стал понимать, что деградирует. Он даже жалел, что силы, потраченные на легкомысленные интрижки, не были направлены на какое-то великое и благородное дело, и все больше и больше разочаровывался в женщинах. Ему уже не доставляло удовольствия, когда женщина строгого воспитания или высокой морали отдавалась ему, словно последняя шлюха. Когда она признавалась ему в любви, он сразу бросал ее, не считаясь с чувствами, жестоко отталкивал от себя. С одной стороны, он боялся серьезных отношений, с другой, оправдывал свое поведение тем, что никогда не обманывал, не снимал обручальное кольцо, не юлил, а просто говорил, что все еще любит супругу, и многие из его женщин даже завидовали Лауре.

Но были и среди них и такие, кто откровенно использовал его. Они знали, что у Адама нет денег, но одновременно шли с ним в ресторан, избалованные прежним вниманием и заботой своих любовников, заказывали изысканные блюда и требовали дорогих подарков и других развлечений. И тогда он чувствовал себя последним оборванцем, и лишь осознание того, что он тратит свой последний рубль на приятное времяпровождение утешало его. Эти женщины часто сами бросали его, считая неудачником, смеялись над его наивностью и несостоятельностью в жизни, искали других дурачков. Были и те, кто откровенно смотрел на Адама, как на удобную подстилку для своих тайных преступных утех.

Однажды он договорился по интернету с некой Юлей. Возможно, имя было вымышленным, страничка в интернете говорила лишь, что женщина страдает и ищет опору и утешение. Юлия была немножко взвинченной и нервной. Ее душила неуверенность в себе как в женщине, она все время злилась на мужа, на его постоянные измены и невнимание к ней. Все ее существо давно желало какой-то встряски на стороне, но страх останавливал ее, и при мысли о возможной связи, она холодела от ужаса. Она все время оглядывалась и вздрагивала, будто ощущая за собой слежку, ей мерещился тиран-муж, который только и ждал момента, чтобы ткнуть в нее пальцем и сказать «Да ты сама бл… дь!». Каждый раз ее нерешительное сердце замирало, когда звонил телефон или приходило SMS от мужа. Она спешила ответить, оправдаться, чувствуя себя виноватой и побитой. Адам встретился с ней у метро, когда уже зажглись вечерние огни и люди возвращались с работы. В этой толкотне никто не обращал на них внимания, а они как два заговорщика сразу узнали друг друга, но не спешили обняться.

– Привет, – подошел он первым и поцеловал робко в щечку.

Он часто целовал незнакомых женщин при первых минутах встречи, и это сильно сближало его с ними, нарушало их личное пространство, волновало кровь и подчиняло какому-то неизбежному року. Юлия вздрогнула, приятно напуганная поцелуем.

– А ты забавный!

– Да и ты ничего… – ответил он, продолжая следить за игрой.

Она немного смутилась, и они пошли по тропинке мимо замерзшего пруда, на котором играли в хоккей школьники. Их ранцы были сложены так, что представляли ворота. Было весело и азартно, и игривое настроение детей передавалось прохожим, которые останавливались и болели за ту или иную команду.

– Я раньше тоже играл в хоккей, когда был маленьким. У меня лучше всего получалось на воротах, и тогда коньки – были редкость… – вздохнул Адам с ностальгией. – Ты умеешь кататься на коньках?

Юля кивнула, боясь проронить слово, и чтобы расшевелить ее, он взял ее нежно за руку. Его профиль восхищал ее правильными чертами лица, какой-то римской классической красотой, и она стыдилась своих чувств, на ее щеках появлялся румянец. Шел легкий снежок. Он ложился им на лицо и таял, и если она смахивала его украдкой и жмурилась от ветра, то Адам не обращал на погоду внимания, смотрел прямо вперед с каким-то глубоким пониманием и вызовом, и, казалось, что по его печальному, освещенному тусклым светом фонарей лицу текут слезы.

В его добродушной, милой улыбке было что-то блаженное. С таким человеком, казалось, можно было говорить обо всем и даже самом сокровенном. Когда же говорил он, увлеченно и страстно, то его умные, глубокие глаза светились каким-то огнем откровения, само лицо, казалось, излучало свет, подобно сиянию на иконе при первых лучах весеннего солнца. Он увлекался своими мыслями, размышлениями, и увлекал за собой даже самого равнодушного слушателя. Он, как древний оратор, изливал свою великую душу, пытаясь тронуть сердца толпы, только на этот раз перед ним была женщина, пусть слабая и уставшая, но мечтающая о любви. Его слова трогали Юлию, разжигали ее давно потухший костер. Она еще пыталась бунтовать и сопротивляться, но уже не в силах устоять, чувствовала, как загорается ее сердце, а Адам все рассказывал о себе и Лауре, о той несправедливости, с которой им приходится считаться.

Его рука была большой и сильной, пожатие нежным и ненавязчивым. Она могла освободить свою руку, но уже несмела и шла покорно, ощущая себя маленькой и несмышленой девочкой. Ей нравилась эта игра. Она забывалась, наслаждаясь этой прогулкой в никуда, без цели и каких-то обязательств.

– У тебя высокая самооценка, – заметила она. – Ты очень дерзок…

– Каждый человек бог, который спустился на Землю, чтобы терпеть унижения. И все, что вокруг происходит – это только мои правила, я словно специально ограничил себя в своих возможностях, понимаешь? Но верь мне, что все в моих силах…

Он уже давно решил, что отведет ее на свою съемную квартиру, и Юлия, делая вид, что не замечает, куда ее ведут, или действительно она не замечала этого, всю дорогу жаловалась на своего мужа.

– Это мерзавец! Представляешь, моя близкая подруга – его любовница! И она переправляет мне его SMS-ки. А там такая лирика! Стихи собственного сочинения!

– Чего она добивается? – спросил Адам, срезая путь.

Они миновали пруд и остановились перед горкой, на которой стоял дом. Адам уже указал ей, что живет вон где-то там и даже показывал свое окно, но Юлия ничего не видела и только отмахивалась от снежинок, словно от навязчивых мух. Тогда он потянул ее за собой, и они стали карабкаться вверх в непредусмотренном для подъема месте. Им приходилось ступать боком, чтобы не соскользнуть вниз, и они даже запыхались и перевели дух. В этот момент, разрывая шум вечернего города, раздался звон колокола строящейся неподалеку церкви, и Адаму почему-то пришла нелепая мысль, что и мессия, взбирающийся на Голгофу, также брел, спотыкаясь и дыша из последних сил, только вот вместо тяжелого креста Адам тащил за собой заблудшую женщину и целый шлейф ее грехов.

– Чего добивается? Известно! – усмехнулась злобно спутница. – Хочет, чтоб развелся.

– Ну а ты, ты почему сама не уйдешь! – возмутился Адам. – Зачем тебе нужен муж, который не любит тебя!

– Понимаешь, мы живем у его мамы, и если что, я останусь на улице, да еще детей он может отнять, зачем мне эти проблемы? Перебесится да вернется! А этой сучке не достанется!

Они подошли к подъезду и стали отряхиваться от снега, стучали ногами, поправляли одежду, словно придавая друг другу приличный вид. Юля немного колебалась, когда Адам отпустил ее руку, словно предоставил ей выбор – заходить или не заходить, а ей так хотелось, чтобы ее подтолкнули, взяли за шкирку и бросили в пучину бездны, как несмышленого котенка. Она хотела не думать, казаться наивной дурочкой, но не получалось.

– Ты знаешь, – сказал он вдруг, глядя ей прямо глаза, – самый большой грех на Земле – отвергать любовь тех, кто любит тебя.

В фойе их остановила вахтерша. Она недолюбливала квартиросъемщиков, требовала регистрации и жаловалась участковому. Адам еще раздражал ее тем, что водил постоянно подозрительных девиц.

– А, молодой человек, это что за барышня?! – строго сказала она, поправляя на своей голове кучерявый парик, в котором она была похожа на злобного пуделя.

– Марья Ивановна! Да это моя сестренка приехала, – соврал он, хотя знал, что ему все равно не поверят, а сам тихо, чтобы никто не слышал, пообещал принести завтра тортик.

– Ладно, проходите, – нахмурилась вахтерша. – Только того, чтобы порядок был!

Когда они зашли в лифт, Адам впервые при ярком освещении рассмотрел Юлию. В жизни она выглядела постарше, чем на фотографиях.

«Сколько ей? Тридцать пять? Сорок?» – гадал он.

В последнее время он дурил головы малолеткам и изрядно устал от их капризов. И сейчас, когда в его власти оказалась зрелая женщина, он чувствовал какую-то удачу. Юлия смотрела на мигающие кнопки лифта, читала похабные надписи на стенах. Ее взгляд блуждал, она уже свыклась с неизбежностью. Ему вдруг захотелось овладеть ей прямо в этом грязном и наплеванном лифте, и она, чувствуя его желание, прильнула к нему и даже поцеловала. Губы у нее были слабые, почти безжизненные, отдавали сладкой клубничной жвачкой. Адам обнял ее, коснулся губами ее красивой белой шеи и что-то прошептал приятное. Лифт открылся, но они не спешили выходить. Ей безумно нравилось, как его озябшие руки берут ее уставшее лицо бережно и ласково, словно дорогую хрустальную вазу, как его нежные пальцы блуждают по ее чувствительной коже, гуляют под ее густыми волосами, ласкают за ушами и затылок. У нее непроизвольно появлялись мурашки по всему телу, и она закрывала глаза, забываясь сладким ядом измены.

– Я не понимаю, что со мной… – шептала она, словно оправдываясь. – Это у меня в первый раз… Боже, Боже… что я творю!

Она не заметила, как оказалась в его квартире. Помнила лишь, как не разуваясь и не прекращая целоваться, разбрасывала на ходу одежду, как предалась разврату, и все было словно во сне. И долго-долго звонил ее телефон и, должно быть, на том конце был ее нетерпеливый муж—тиран, а она, упоенная местью, извивалась под лаской другого мужчины, отдаваясь ему в каких-то животных и немыслимых позах, которые не могла себе позволить ни одна приличная женщина. Когда Адам кончил, она лежала минуту, не шевелясь, словно убитая, и глядела на потолок немигающим взглядом. По потолку ходили тени от фар проезжающих где-то автомобилей. Слышно было, как у соседей орет телевизор. Там шел какой-то мыльный сериал, чьи герои о чем-то спорили, выясняли отношения, а эти ползущие по потолку тени пугали ее, и она видела, что не одинока в этом страхе. Комната кишела тараканами, рыжими, противными, мерзкими, и они прятались от этих блуждающих теней куда-то за края оторванных обоев и кронштейны карниза. Но куда можно было спрятаться ей? Телефон Юлии издал слабый писк: он разряжался. Адам напрасно ласкал ее и слушал, как ее слабое сердце тихо стучит, а она машинально гладила этого незнакомого ей человека, имя которого даже не могла вспомнить, по его лохматой взъерошенной голове, и как ребенка прижимала к себе. Ей уже казалось, что между ними ничего не было, и она даже убеждала себя в этом. Ей вдруг захотелось уйти, и она отстранилась…

– Мне надо идти…

– Иди! – сказал он не сразу.

Она поднялась и стала собирать на ходу свою одежду, затем сама открыла входную дверь.

– Ты не думай… – что-то говорила она. – Между нами ничего не было, и быть не может! Я все мужу расскажу.

Дверь захлопнулась, но он еще слышал, как она торопилась по лестнице, даже не дождавшись лифта, как к ней вернулась ее неуверенность, как трепетно отвечала она на чей-то настойчивый звонок, говоря, что бродит по магазинам, и печально улыбался.

Искушение

Когда он ехал в метро и смотрел на сытые и довольные лица людей, у него сосало под ложечкой. Свой завтрак в два яйца и кусок хлеба он отдал детям. Жена даже не соизволила его поцеловать, но он привык к ее поведению, оправдывая это беременностью. Да, он сам виноват, что в семье закончились деньги, да, жизнь наказала его за гордость, и теперь он курьер, разъезжающий по столице с утра до позднего вечера ради сомнительного заработка. Сегодня вот только один заказ, а, значит, денег едва хватит на молоко и хлеб. И это он, молодой и красивый, с двумя высшими образованиями и даже с некогда успешным бизнесом, и если бы не пара кредитов и не его вера в людей, он бы был сейчас на коне, возможно даже в провинции Бордо на своем винограднике, попивая свой собственный Мерло пятилетней выдержки. О, как он мечтал о винограднике все эти годы! Он вдруг представил себе южное французское солнце и где-то вдали синеву теплого моря, легкий ветер и едва раскачивающиеся спелые грозди, как он босой и счастливый в свободной белой рубахе пробует ягоды на вкус и, жмурясь от удовольствия, считает будущую прибыль…

– Следующая станция Чеховская… – прозвучал металлический голос, и он выпрыгнул в самый последний момент, чуть не пропустив свою станцию.

На улице курьера встретили снег и слякоть, он тщетно кутался в свою тонкую ветровку, на новую куртку просто не находилось денег, благо под ней был еще теплый вязаный свитер, который связала ему жена в первый год брака. Сейчас она ему не только не вязала вещи, но исключила и секс, и горечь и обида на супругу вдруг захлестнули его озябшую душу, и ему хотелось пойти в кабак и напиться, но и эта маленькая радость была невозможной. Денег не было.

– Эх… – грустно выдохнул он и зашел на проходную элитного дома.

Два охранника встретили его недоверчивым взглядом и, кажется, нахамили, приняв за какого-то бомжа, но он не обратил внимания. Поскорее бы отдать товар и уехать. После унизительного объяснения, что он курьер и что его ждут, они все же пропустили его, записав паспортные данные и согласовав с клиенткой его приход.

Он зашел в очень технологичный лифт, и лифт, сообщив его редеющий вес, спросил, на какой этаж ему надо. Он нажал «тридцать второй», и лифт ответил «Спасибо». Кабина была просторная, пожалуй, с его детскую комнату, но и сейчас курьер не предал этой несправедливости значения. Побыстрей отдать товар и уехать. В зеркале он невольно увидел свой изнуренный и подавленный образ, растрепанные волосы, дешевую ветровку и мятый, ужасно неприличный пакет в руках, в котором был товар. Больше всего его смущали ботинки, грязные от слякоти, и рвущиеся уже в нескольких местах, а ведь впереди еще зима. Полет был плавный, именно полет, потому что ощущение было как в невесомости.

Наконец лифт привез курьера на нужный этаж и он вышел. Вокруг все было чистенько, отделано дорогим и красивым природным камнем, на полу стояли керамические вазы с декоративными комнатными растениями, напоминающими целый дендрарий. Ему даже показалось, что где-то журчит фонтан и поют канарейки. Пройдя немного по коридору и найдя нужную квартиру, он нажал на звонок, пытаясь настроиться на веселый лад и думая, какую шутку или фразу сказать в зависимости от ситуации. От этого зависело, дадут ли ему чаевые. Черт возьми,

сегодня он очень сильно рассчитывал на чаевые, такой крутой дом, такая дорогая бронебойная дверь…

Ждать пришлось недолго. Абсолютно голая женщина лет тридцати встретила его на пороге. На ней лишь были пушистые белые тапочки и золотая цепочка на шее. Мокрые длинные волосы спадали с плеч закрученными кудряшками, возможно, она только что вышла из ванны. Бритый лобок, хорошенькая аккуратная грудь, развитые бедра. Таких женщин он видел только в музеях. Пред ним предстала сама Венера. Ее набухшие соски торчали, будто она хотела накормить его молоком, и он даже сглотнул слюну. И все же он сделал шаг назад и еще раз посмотрел на номер квартиры.

– Нет, Вы не ошиблись, – ухмыльнулась женщина, – сколько с меня?

Курьер только сейчас заметил во рту у нее дымящийся мундштук с сигареткой и, стараясь не замечать соблазнительную красоту откровенного женского тела, вынул из пакета товар и счет-фактуру:

– Семьсот сорок рублей, – и в доказательство показал ей счет.

Пальцы его слегка дрожали. Он попробовал сосредоточиться и скрыть волнение, но это ему едва удавалось. Женщина, заметив это, опять ухмыльнулась и пошла внутрь комнаты, виляя бедрами, словно на подиуме.

– Закройте дверь, а то сквозит, – бросила она небрежно.

Курьер замер на какое-то мгновенье, думая закрыть дверь за собой или перед собой. В глубине комнаты, довольно просторной, вмещающей, наверно, всю его лачужку вместе с той пресловутой кухонькой, он увидел антиквариат – журнальный столик на кривых ножках, пожалуй, единственную мебель здесь, не считая велотренажера и вешалки в прихожей с норковой шубкой. На этом чудном столике стояла бутылка шампанского, видны были фрукты, легкая закуска и два пустых фужера из чистого хрусталя. Также до его голодного желудка дошел запах свежей красной икры, и он снова сглотнул слюну.

– Прошу прощения за бардак, у нас тут ремонт, – сказала она, выдохнув кольцо сигаретного дыма.

Затем она открыла свою маленькую сумочку из желтой кожи и стала в ней рыться, иногда хмуря брови. Несколько мыслей пронеслось в голове курьера, включая даже то, что сейчас эта дамочка достанет револьвер и разнесет ему мозги, и все же одна мысль превалировала у него и мучила своей непристойностью – «но что скажет жена?» Она сразу все поймет, ему не скрыть это событие, нет, нет, он должен бороться и показать, что он настоящий мужчина, верный муж, примерный семьянин, он не такой как все.

– Черт возьми, что за наваждение! – еле слышно промолвил он, расстегивая ворот душной рубашки.

– Закройте, пожалуйста, дверь, сквозит! – повторила она свою просьбу и в ее голосе, удивительно звонком как колокольчик, улавливалась капризность и эгоистичность.

И он закрыл дверь и закрыл почему-то за собой, то есть, оставшись стоять в ее прихожей на коврике. Ему было немного стыдно за то, что с его ботинок стекает грязь на этот необыкновенно мягкий ворс.

Женщина, наконец, подошла к нему с красной наглаженной купюрой.

– У Вас есть сдача с пяти тысяч?

Он взял купюру, будто не веря своим глазам, и растерялся. Она поняла это по его хаотичным движением и победоносно выпустила еще кольцо сигаретного дыма. Похоже, его неуверенность начинала ей надоедать.

– Что с Вами? – спросила она, слегка раздраженно. – Вы никогда не видели таких денег?

– Я немного смущен, если честно… – вымолвил он, с трудом подбирая слова, и спешно передал товар.

– У меня нет сдачи, – добавил он.

– Потом вернете, – махнула она рукой. – Выпить хотите?

Он словно задумался, сердце его заколотилось, что-то шептало ему «уходи, уходи!», но голова сама предательски кивнула.

Он вдруг вспомнил, что на нем рваные и далеко не первой свежести носки, что он всего лишь курьер, но клиентка как будто прочитала его мысли.

– Вот и отлично. Составите мне компанию. Можете не разуваться, скоро все равно придет домработница.

Он мягкой поступью, так, что слышно было, как скрипит паркет под его подошвами, прошел к журнальному столику и остановился, глядя в окно.

Шикарная панорама столицы с высоты птичьего полета заворожила его. Он даже увидел на горизонте дымящиеся трубы, рыжие башенные краны, где-то за ними, за стройкой, затерялась его хрущовка-пятиэтажка, где в скромной норе ютилась семья из пяти человек, голодных человек…

– Я тоже люблю любоваться пейзажем, – женщина подошла к окну, слегка облокотилась на подоконник и всмотрелась вдаль.

Он отметил несколько родинок на ее загорелой спине, сильные ягодицы, очевидно накаченные на велотренажере. Также на левой лопатке незнакомки он заметил наколку в виде крыла ангела. Пожалуй, перед ним и был женщина-ангел. Он невольно вздохнул аромат ее мокрых волос, дорогой шампунь, напоминающий свежесть моря, и ему опять представились зеленые виноградники, старинный рыцарский замок, южное солнце на его золоченых крышах. Он по-хозяйски откупорил бутылку и разлил игристую пену по бокалам, сказал пару шуток. Они чокнулись за встречу и чудесный вид за окном. Шампанское было великолепным, какого-то элитного micro cure разлива. Ощущая давно забытый вкус красной икры, он глотал бутер-

броды и снова погружался в свои виноградники, спелые набухшие соком грозди завораживали и манили, и он считал прибыль.

– Одна бутылка с куста… – промолвил он, – не более.

– Что Вы сказали, Павел? – переспросила она.

И он даже не вспомнил, как за такое короткое время, он уже успел сказать ей свое имя. Он нежно взял женщину за руку, другой рукой вынул из ее эротичных губ мундштук, убрал волосы с ее милого лица, посмотрел ей в глаза.

– Вы мне очень нравитесь, Алиса…

У Алисы были большие черные глаза, в которых угадывалось одиночество. Будто ее кто-то покинул, покинул внезапно, подло, и она нуждалась в утешении. И он увидел в ее больших черных глазах себя, того кто утешит ее.

«Господи! Если Ты есть на Земле, – взмолилась вдруг его заблудшая душа, – спаси меня от соблазна, а если нет, прости».

Их губы соприкоснулись, долгий хмельной поцелуй двух одиночеств слился в экстазе. Все было в каком-то тумане. Он обнимал ее и целовал ее плечи, ласкал ее упругую грудь. Остренькие наращенные коготки впивались ему в спину, вызывая боль. Женщина слегка кусала его, то прижимая к себе, то отталкивая. Она была похожа на скользкую и полную сил и опасности змею, пойманную опытным коршуном. И вся эта любовная игра с ее стороны сильно возбуждала его. Он повернул ее к себе спиной, примкнул губами к ее татуировке на левом плече. Женщина смеялась, говорила ему какие-то дерзости, а он целовал ее и целовал, пока вдруг не зазвонил телефон в кармане, и он понял, что это супруга звонит ему, напоминая о реальности, о том, что пора домой.

Он вздрогнул и хотел было взять трубку по привычке, по своей нехитрой натуре, сказать, что скоро приедет, что скучает, спросить про детей… Но телефон умолк, и он понял, что заряд батарейки кончился и что уже невозможно будет перезвонить и что супруга, наверно, будет очень сильно нервничать.

– Прости! – отстранился он и виновато посмотрел на белые тапочки прекрасной незнакомки. – Мне пора, у меня дети, жена на последних сроках, прости, простите…

Он даже для убеждения своих слов перекрестился, хотя ему мало это когда-либо помогало. Женщина, разгоряченная от его ласк и поцелуев, сделала шаг к нему, но он опять отстранился, разрываемый сомнениями. Тогда она подошла к столику и небрежно налила себе бокал шампанского.

– Ca ne fait rien! (ничего страшного), – горько ухмыльнулась она на чисто французском.

Он понял ее слова, хотя никогда прежде так близко не слышал живую французскую речь, и, виновато, пошел к выходу. Перед уходом он еще раз оглянулся и увидел ее смотрящую в окно с бокалом шампанского.

Казалось, дверь закрылась сама, щелкнул замок, и он вышел. Лифт, мраморная лестница, недовольные взгляды охраны, жуткий ветер, снег, спасительное метро, давка, переполненная маршрутка, заход в магазин, чтобы купить молока, звонок в дверь, и на обшарканном пороге беременная жена с красными от слез глазами и куча детей, веселящихся вокруг.

– Я думала, что-то случилось! Уже хотела в милицию звонить, – сказала она.

– Прости, просто сел телефон, – оправдывался он, уводя взгляд и переключая внимание на детей.

– Папа, ты купил молока? – повисли они на нем. – Папа, а ты обещал шоколадку.

– Папа, а мама думала, что ты попал под поезд… Там так скользко.

– Нет, нет. Все хорошо, я Вас люблю… – отвечал он им.

Он спешно обнимал каждого малыша, обнимал пополневшую от беременности жену и целовал ее почему-то в макушку. Слезы текли по небритым щекам, не в силах сдержаться. Он даже не смущался, что от него пахнет дорогими духами и, возможно, на шее остался след от губной помады. Его утешала мысль, что он купил молока, что еще один день прожит не зря. И в эти мгновенья ему казалось, что за окном южное солнце и в его драгоценных лучах зреют спелые лозы на фоне лазури теплого моря.

Сигарета на двоих

Кто-то мягко тронул ее за плечо. Лаура приоткрыла глаза и увидела седовласого старичка в униформе. Проводник улыбнулся и, шевеля тараканьими накрашенными усами, почтительно сказал:

– Простите, сударыня. Поезд идет в тупик.

Лаура поднялась с кресла. Проводник заметил, что женщина немного растеряна и, покашливая в руку, крикнул ей вслед.

– Советую не брать такси на вокзале. Там сдирают с полшкуры.

– Меня встречает муж.

Лаура поправила шаль. Было холодно. Редкие снежинки кружились над безлюдным перроном. Никто не встречал ее. Лаура остановилась в нерешительности, выдыхая клубы молочного пара, и направилась к выходу. Москва дремала. Завтра начиналась первая рабочая неделя. Здание вокзала мерцало огнями гирлянд. На полу валялись затоптанные пассажирами конфетти и хлопушки. В зале ожидания стояла елка с зеркальными шарами. Под ней скучал Санта Клаус в сбившемся набекрень колпаке и бубнил себе под нос: «Happy Christmas».

– Куда катится Россия?! Деда Мороза нормального найти не могут, – возмущался уборщик.

Он лениво размахивал шваброй, оставляя после себя блестящий пол, и через некоторое время возвращался, так как стоило одному нетерпеливому пассажиру пройтись здесь, вся рутинная работа шла насмарку.

– Осторожно, тут скользко! – Успел крикнуть он спешащей к выходу пассажирке, но Лаура даже не взглянула на уборщика, стараясь проскользнуть незаметно мимо толпы таксистов.

Его возглас пробудил их внимание, и те вороньем налетели на бедную женщину, не давая прохода. Как на последний кусок хлеба, бросались они, голодные, хищные, с острыми носами, отталкивали друг друга локтями.

– Опять наследили черти! – выругался уборщик и отбросил ненавистную швабру в сторону.

Наверно, это была неудачная затея сразу бросить курить после Рождества. Пепельница заполнилась окурками, так как сегодня Асламбек уже выкурил пачку сигарет. Чтобы не думать о вредной привычке, убивающей его воспаленное легкое, он купил в газетном киоске декабрьский «Playboy» и еще больше впал в уныние. С обложки на него смотрела красотка Наташа, перевоплощенная в снегурочку. Приветливо улыбаясь, она кокетливо прикрывала руками обнаженную грудь.

Мужчина отложил журнал. Сквозь треснутое окно старенького «Фольцвагена» он смотрел на мир отрешенным взглядом отшельника, которому просто не повезло найти место среди людей. Вот уже лет пять, как Москва стала для Аслама второй родиной, приютившей его семью от преследований кровников, но и здесь звучало отдаленное эхо войны. Когда-то он был уважаемым человеком, владел автомойкой в Грозном и пользовался успехом среди женщин, но сейчас беженец чувствовал себя оборванцем, окруженным недоверчивыми и порою враждебными взглядами, каждый день, сталкиваясь с поборами таксистской мафии, состоящей преимущественно из кавказцев. Но это были не его братья. Эти люди не чтили Коран. Возможно, жизнь сделала их такими, но он, Асламбек, не утратил веры, вскормленной с молоком матери. В душе он был мусульманин. Испытания закалили его, сделали философом.

На вокзале, где он обычно караулил незадачливых пассажиров, ловящих попутку, Асламбек так и не мог понять, почему однажды русская пуля все-таки уклонилась от заданной траектории и, пробив насквозь ему левое легкое, пощадила сердце. Возможно, Аллах готовил его к новым испытаниям. Увидев идущую вдоль дороги женщину с поднятой рукой, Асламбек стремительно повернул ключ зажигания и со свистом тронулся с места. Он боялся, что кто-то опередит его. «Фольцваген» резко затормозил, и мужчина наклонился, чтобы открыть переднюю дверцу, предварительно спрятав журнал в бардачке. Возить пассажиров на заднем сиденье в ночное время было неприемлемо по соображениям безопасности. Вот уже второго таксиста нашли с удавкой на шее только за эту неделю.

– За добрую улыбку я доставлю Вас в любую точку Москвы, – сказал он налету, стараясь понравиться незнакомке.

В его голосе чувствовался слегка выраженный кавказский акцент.

– А ваша колымага не развалится? – женщина скептически бросила взгляд на машину.

– Под капотом настоящий немецкий мотор, – и водитель на свой страх и риск нажал газ на нейтральной передаче.

Двигатель громко заревел.

– У Вас приличная вмятина на крыле.

– Это вмятина, к большому сожалению, от моего лица. Здесь много хулиганов.

– Судя по всему, у Вас крепкая голова… – Лаура мило улыбнулась. – И сколько стоит моя улыбка?

Асламбек вздохнул. Он сильно нуждался в деньгах.

– Садитесь быстрее, договоримся. Тут небезопасно.

Упоминание о хулиганах подействовало на женщину, и она быстро села в машину, отмахиваясь от накуренного дыма в салоне.

– Да, у Аслама крепкая голова, – гордо сказал он. – Они хотели, чтобы я поделился с ними выручкой, но у меня даже не было денег на бензин.

– Аслам… – повторила она его имя задумчиво. – Странное имя… Хорошо знаете город?

– Как свои пять пальцев, мадам.

Он вдохнул приятный парфюм, характерный всем этим русским женщинам, отправляющимся на свидание, и закашлял.

– Простите, мадам, а куда Вас везти?

Казалось, его вопрос смутил пассажирку. Она призадумалась, нервно постукивая тонкими пальчиками о сумочку, и после непродолжительной паузы сама озадачила водителя.

– Вы знаете, где находится Хованское кладбище?

– Конечно, – кивнул он, борясь с приступом кашля. – Мрачное место.

– Мрачнее не бывает… – усмехнулась Лаура в ответ.

Чеченец скрывал свое беспокойство. Под Новый год участились случаи ограблений, и он слышал о шайке отморозков, потрошивших доверчивых таксистов, заманивая последних в глухие районы Москвы.

– Если можно, покажите деньги, – попросил он.

Поглядывая, как пассажирка роется в своей сумочке, ему стало неловко.

– Вы меня простите. Элементарные меры предосторожности. Привозишь клиента, и вдруг он разводит руками, и что мне делать? Не драться же? Менты ущемляют права нелегалов и чуть что не так делают крайними.

– Конечно, я Вас понимаю, только убавьте звук радио и включите кондиционер.

Лаура махнула перед носом водителя купюрой, не скрывая, что немного огорчена, и Аслам пожалел, что проявил недоверие. Всю дорогу они молчали, лишь однажды женщина спросила его, снятся ли ему сны.

– Что Вы!? После такой бессонной и изнурительной ночи я еле доползаю до своей койки и падаю замертво, без задних ног, как выжатый лимон в подсобке столовой для бездомных. Родная мать не предлагает завтрак, потому что знает, что у меня не остается сил даже разжевывать манную кашу. Закрываю глаза и проваливаюсь в бездонную пропасть. Одна темнота и только. Может, мне снятся черные кошки, но я их просто не вижу!? – усмехнулся он, с любопытством поглядывая на пассажирку.

– Малевичу снилось что-то похожее, – улыбнулась она.

– Это Ваш знакомый?

– Вы разве не знаете, – засмеялась пассажирка, – это художник, и он прославился тем, что нарисовал черный квадрат.

– Этих мазальщиков сейчас пруд пруди на Арбате. За деньги они параллелепипед начертят. Если бы у меня открылись способности к художеству, я бы, нисколько не задумываясь, стал рисовать только красивых женщин.

– Будем надеяться на Ваши успехи.

Фары встречных машин ослепляли. Водитель жмурился и боковым зрением поглядывал на свою пассажирку. Она ему нравилась. В салоне было тепло, и снежинки, тая, превращались в капельки воды, переливаясь лягушачьей икрой на женской шали.

– А Вам, мадам, что снится? – спросил он вдруг, нарушив тишину.

– Я во сне часто разговариваю с каким-то мужчиной, который очень любит меня, но боится признаться в этом… – и женщина опять замолчала.

– Может, Вас и вправду кто-нибудь любит и боится признаться в этом? – предположил он, так и не дождавшись ответа.

Дорога утомляла. Лаура закрыла уставшие глаза и задремала. Во сне ее брови хмурились, и Аслам слышал ее тихий шепот, но разобрать, что говорит его пассажирка, он все равно не мог из-за шума дороги. Лауре же снилось, что она по-прежнему сидит в электричке в пустом вагоне. Какой-то незнакомый мужчина в шляпе, тень от которой скрывала ему лицо, сел поодаль в дальний угол.

– Чуть-чуть от меня не сбежала последняя электричка… – напевал он перефразированные слова из шлягера.

– Очень хорошо, что не сбежала! А где ты живешь? – спрашивала Лаура незнакомца.

– Порою мне кажется, что я временно живу в твоем воображении.

– Почему временно?

– Это печальная история. У тебя есть человек, который любит тебя?

– Нет у меня настоящей любви…. Много симпатий и увлечений. Но я думаю, что все проходит со временем.

– Я без любви не могу. Душит меня пустота в сердце. Можно я влюблюсь в тебя? – грустно спрашивал мужчина.

– И что я с этим буду делать? Мы же даже не знакомы.

– Может быть, однажды в трудную минуту ты вспомнишь о том, что кто-то далекий, но родной ждет и искренно любит тебя, и станет легче.

– Где ты сейчас?

– Не знаю. Я слушаю, как колеса катятся по заснеженным рельсам, и стальной убаюкивающий скрежет зовет меня вдаль. Вагон почти пуст. За окном мелькают тусклые огни одиноких станций. Напротив меня спит, укутавшись в шаль, озябшая женщина. Иногда она тревожно вздрагивает, словно видит во сне что-то ужасное и болезненное…

Лаура проснулась, и хотя водитель вел машину осторожно, но здесь их качнуло вправо на обочину и чуть не унесло в кювет. На асфальте образовалась ледяная корка, а Аслам так и не успел сменить резину на зимнюю. Кладбище находилось в стороне от жилых кварталов, и, что могла забыть здесь посреди промозглой ночи эта женщина, оставалось для Аслама во время всей поездки мучительной загадкой. На соучастницу ограбления она не была похожа. Он сгорал от любопытства, но не решался расспрашивать пассажирку, которая сейчас сидела, уткнувшись в окно.

Боясь завязнуть в снегу, Аслам не стал подъезжать к самой ограде, а остановился неподалеку. На парковке не было ни одной машины, кроме старенького катафалка с рекламной вывеской «Изготовление памятников и монументов из гранита». Пассажирка расплатилась, и водитель услышал, как захрустел снег под ее ногами. Она оглянулась на Аслама, почувствовав его провожающий взгляд. Ворота были неплотно закрыты и позвякивали обмотанной на них цепью. Женщина заглядывала между прутьями ограды, всматриваясь в заснеженную даль кладбища. Порывами дул ветер, раскачивая тусклый фонарь над сторожевой будкой, отчего черные тени крестов вздрагивали. Из-под катафалка вылезла собака, лохматая, худющая, с висячими, как у спаниеля, ушами. Собака поджимала лапу и жалобно поскуливала.

Какое-то беспокойство овладело Асламом. Он не выдержал и вышел из машины. Собака осторожно обнюхивала полы пальто женщины, и та даже протянула ей руку для ласки, но когда Аслам подошел ближе и кашель выдал его, животное, поджав хвост, нырнуло под ограду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.